

Статьи. Теория

Ася А. ФИЛАТОВА

ДГТУ, Ростов-на-Дону, Россия

ORCID: 0000-0002-0497-0018

Что нам делать с нейронауками? От эпистемологии подозрения к эпистемологии заботы

doi: 10.22394/2074-0492-2020-2-18-47

Резюме:

Сегодня науки о мозге находятся в фокусе общественного внимания, с ними связывают сокровенные надежды, и они же пробуждают глубинные страхи. Нейронауки стали вызовом не только для практических сфер, таких как медицина или фармакология, но для всего корпуса наук о человеке. Представители ведущих гуманитарных направлений и социологических школ включились в дискуссии по поводу возможных выгод и угроз, связанных со стремительным приростом нейронаучных знаний. Нейроповорот привел к формированию нового «режима истины», в котором значимость суждений оказалась напрямую связана с нейроцентрическим стилем мышления. В статье представлена картография пространства эпистемологических решений, предложенных социальной теорией и философией в ответ на активную экспансию нейронаук. В первую очередь эксплицируется внутренняя механика критической программы, основанной на логике «сильного объяснения», которая симметричным образом реализуется как критической теорией, так и самими нейронауками. Альтернативы «варварской критике» были предложены в рамках посткритических подходов, которые призвали заменить логику разоблачения и объяснения иными эпистемологическими стратегиями. В частности, рассматривается витгенштейнианская социология, реализующая методологию прояснения концептуальных путаниц, возникающих в нейронаучных исследованиях, а также акторно-сетевая теория Б. Латура и агент-

18

Филатова Ася Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и мировые религии» Донского государственного технического университета. Научные интересы: философия науки и техники, социология научного знания, STS, социальные контексты развития нейронаук. E-mail: asya_filatova@rambler.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00848.

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of a scientific project. No. 19-011-00848.

ный реализм К. Барад, предлагающие в принципе отказаться от таких базовых бинарных оппозиций, как культура/природа, социальное/биологическое, церебральное/символическое, в пользу концепций «сети» и «онто-эпистемологической запутанности» соответственно.

Ключевые слова: нейронауки, нейроповорот, нейроцентризм, критическая теория, витгенштейнианская социология науки, акторно-сетевая теория, агентный реализм

Asya A. Filatova

DSTU, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: 0000-0002-0497-0018

What Should We Do with Neuroscience? From the Epistemology of Suspicion to an Epistemology of Care

Abstract:

Today, neuroscience is undoubtedly at the focus of close public attention and interest. It is associated with the greatest hopes, but also arouses the innermost fears. Neuroscience has become a challenge not only for practical fields such as medicine or pharmacology but for all of the human sciences. Representatives of leading trends in social sciences and humanities have entered the discussion about the possible benefits and threats related to the rapid growth of knowledge in neuroscience. The neuro-turn has become a conceptual framework in which the neuro-centric style of thinking sets the regimen of truth. The article presents a cartography of the space of epistemological solutions proposed by social theory and philosophy in response to the active expansion of neuroscience. Above all, the article explicates the internal mechanics of the critical program — which is based on the logic of “strong explanation” — symmetrically implemented both by critical social theory and neuroscientists. Within the framework of post-critical approaches making a case for replacing the logic of exposure with other epistemological strategies, alternatives to “barbaric criticism” in sociology and philosophy are proposed. In particular, we consider Wittgensteinian sociology which implements a methodology of clarification of the conceptual confusions that arise in neuroscience studies, as well as B. Latour’s actor-network theory and K. Barad’s agential realism proposing to abandon, on principled grounds, basic binary oppositions such as culture/nature, social/biological, and cerebral/symbolic in favour of the notions of “network” and “onto-epistemological entanglement”.

Keywords: neuroscience, neuro-turn, neurocentrism, critical theory, Wittgensteinian sociology of science, actor-network theory, agential realism

---

Asya A. Filatova — PhD in Philosophy, associate professor of Don State Technical University (DSTU). Research interests: philosophy of science, sociology of technology, sociology of scientific knowledge (SSK), STS, social contexts of neuroscience. E-mail: asya_filatova@rambler.ru

Нейроповорот социологии vs социология нейроповорота

Перефразируя известное изречение из Манифеста коммунистической партии, можно утверждать, что новый призрак преследует социальные и гуманитарные науки — призрак мозга. Призрак этот с каждым десятилетием приобретает все более отчетливые черты и в конце концов грозит значительным образом преобразовать наш привычный мир и поменять наши представления о самих себе. Многие страхи, надежды, желания и опасения сконцентрированы теперь в загадочном и многообещающем слове «нейроповорот». Свернули ли мы в тупик или наконец обрели истинный взгляд на собственную природу? Вступаем ли в «золотой век мозга» [Чопра, Танзи 2014] или переживаем очередную волну натуралистического редукционизма, за которой неизбежно последует откат к старому доброму гуманизму [Gabriel 2017]?

Нейроповорот предстает сегодня как некое фатальное событие. Таинственные открытия, свершаемые нейронауками, в независимости от того, осознаем мы это или нет, направляют нашу судьбу, теперь она неразрывно связана с нашими мозгами. Риторический эффект концепта достигается в том числе за счет его смысловой непрозрачности. Несмотря на то что прибегают к нему все чаще, он остается недоопределен. Его содержание схватывается скорее интуитивно, чем понятийно. Нейроповорот связан с предчувствием и ожиданием революционных изменений в обществе, культуре и в логике самой жизни, источник которых кроется в бурном развитии нейронаук¹. Мы как бы должны уяснить, что теперь будущее производится в нейроработах, а нейрочеловеки выступают главными акторами, доносящими до мирян таинственные послания о том, что «мир может оказаться галлюцинацией»² или что мозг «морочит нам голову»³. Нейроповорот становится идеологемой, орудием в борьбе за общественное внимание и право формировать актуальную повестку.

20

1 Нейронауки включают в себя около 25 направлений: нейрофизиологию, нейроанатомию, клеточную нейробиологию, молекулярную нейронауку, нейрохимию, поведенческую нейронауку, нейропсихологию, когнитивную нейронауку, нейроинженерию, нейрогенетику, нейроиммунологию, социальную нейронауку, нейроинформатику, нейролингвистику и т. д.

2 Черниговская Т. Мир может оказаться галлюцинацией (<https://econet.ru/articles/154294-tatyana-chernigovskaya-mir-mozhet-okazatsya-gallyutsinatsiyey>)

3 Черниговская Т. Мозг морочит нам голову. Как наш мозг нас обманывает. (<https://www.youtube.com/watch?v=Kw3T6wGJQEM>)

В рамках статьи я попробую трансформировать идеологему в концептуальную метафору. Для этого в первую очередь необходимо избавиться от всех невнятных коннотаций и значительно сузить его содержание. Нейроповорот как понятие указывает на особую эпистемическую ситуацию, в которой науки о мозге начинают позиционировать себя как обладающие привилегированным правом устанавливать «режим истины», т. е. задавать критерии истинности/ложности высказываний, прежде всего касающихся природы человека. Особенность данной ситуации состоит в том, что этот режим определяет не только производство суждений о человеческом мозге, его анатомии, физиологии, протекающих в нем химических процессах, но и феноменах, традиционно находящихся под юрисдикцией социальных и гуманитарных дисциплин: сознании, солидарности, любви, политических предпочтениях и т. п. Претензии нейронаук могут поддерживаться или оспариваться конкретными акторами в зависимости от их интересов и собственных базовых онтологических и эпистемологических допущений. Но сама ситуация, при которой нельзя не реагировать на нейронаучные достижения, а любое невнимание к ним выглядит как нарочитое, свидетельствует о действенности режима и его императивном потенциале. Реакции на нейронаучную экспансию формируют в социологии и философии разного рода эпистемологические конфигурации, которые могут иметь как традиционный вид (например, критическая теория не меняет свой инструментарий, анализируя нейроповорот в логике концепции ложного сознания), так и относительно новаторский (нейрофилософия под воздействием нейронаук принципиально трансформирует свой подход к пониманию природы сознания и его исследованию).

21

На этом этапе стоит сделать несколько важных уточнений. Предложенная нами выше картина нейронаучного тоталитаризма хоть и выглядит убедительной, но с методологической точки зрения достаточно схематична. Прежде всего она может сформировать ложное представление о том, что внутри самого нейронаучного профессионального сообщества нет разногласий по поводу ожидаемой гегемонии. Ни в нейронауках, ни в социальных исследованиях нет единства, которое предполагается в упрощенных моделях «научных войн». Даже поверхностный взгляд на текущие дебаты демонстрирует неоднородность позиций в обоих лагерях. Ситуация «своих среди чужих, чужих среди своих» настолько привычна, что никого не удивляет ни радикальный редуционистский физикализм в философии сознания [Churchland 2013; Деннет 2017], ни открытый скептицизм в отношении перспектив нейрореволюции, высказываемый самими исследователями мозга [Legrenzi, Umiltà 2011; Tallis 2011]. Работа ученых по постоянной

пересборке границ своей дисциплины (boundary-work) [Gierun 1983] делает и социологию, и нейронауки не столь монолитными образованиями, какими они предстают в публичных репрезентациях. На практике научные дисциплины конституируются через производство и разрешение разногласий. По этой причине, рассматривая эпистемологические конфигурации нейроповорота, я в большей степени буду говорить не о нейронаучном и социологическом стиле мышления, а о нейроцентризме и социологизме как их радикальных формах.

Не менее важная концептуальная проблема состоит в самой процедуре приписывания сообществам интересов, желаний и намерений. В социальных исследованиях науки существуют разные варианты ответа на вопрос, насколько правомерно реифицировать научные сообщества и их интенции [Woolgar 1981]. Но даже если, как пишет Б. Латур [2002: 4], «не существует способа узнать, какими являются социальные группы, чего они хотят, и что такое человек... это не должно удерживать людей от попытки убедить других в том, что является их интересом, к чему им следует стремиться и кем быть». Можно сомневаться, что есть такие сущности, как нейронаука или социология, — автономные агенты, являющиеся носителями совокупной воли. Но сложно отрицать, что существуют люди, пытающиеся говорить от имени сообщества, формулировать и артикулировать его интересы, а также игнорировать факт непрерывной борьбы за право быть представителем «настоящей нейронауки» или «настоящей социологии».

Возвращаясь к нейроповороту как процессу формирования нового режима истины, стоит эксплицировать его критерии истинных высказываний. Данные критерии задаются через соответствие следующим принципам: редукционизму, такому способу объяснения, который сводит многообразие объясняемых феноменов к одному единственному объясняющему принципу; физикализму (или материализму), предопределяющему онтологические представления и предполагающему, что все феномены сознания, а также социальные феномены имеют физическую основу и к ней сводятся; натурализму, утверждающему, что поскольку адекватное описание мира возможно только в сугубо физических терминах, все, что в принципе может быть объяснено, может быть объяснено только естественными науками, использующими эмпирические методы [Gold, Stoljar 1999].

Под соблазнительное очарование нейроцентричных объяснений [Skolnick Weisberg, Keil, Goodstein et al., 2008] попали многие дисциплины, породив целую плеяду новых гибридных областей знания: нейрофилософию, нейросоциологию, нейроэкономику, нейропсихологию, нейроисторию, нейроархеологию, нейротеологию, ней-

роархитектуру и т. п. Почему нейроцентрическая эпистемология оказалась столь привлекательной для социальных исследований, объясняет, например, Филип Смит в недавно вышедшем тематическом номере *American Journal of Cultural Sociology*, посвященном нейроповороту в социологии. Предлагая новую программу «великого восстановления» социальных наук, он пишет: «Социальная теория полна неопределенных понятий. Она уже давно никуда не движется, проигрывая старые дебаты и изобретая велосипед заново... Нам нужно вернуться к основам и построить знания более последовательным образом с самого начала. В других дисциплинах работают лучше, чем мы. Они нашли истину, а не бесконечные споры, потому что они ученые, а не софисты. Мы отстали от времени. Если бы только наше исследовательское сообщество смогло оторваться от многословных фундаментальных текстов давно умерших персон и увидеть, что перед нами уже не 1900, не 1950 и даже не 1980 год — тогда мы все могли бы двигаться дальше» [Smith 2020: 1].

Итак, первая причина востребованности наук о мозге, на которую указывают прежде всего нейросоциологи и близкие к ним по духу теоретики — это кризис самих социальных дисциплин, связанный с концом больших теоретических проектов и признанием хронической непродуктивности в деле порождения нового знания. Нейронаука для многих социологов стала привлекательным ресурсом для обновления языка собственной науки, поскольку через новые объясняющие концепты, вроде поведенческих программ или биологических предрасположенностей, возможно было предложить нетривиальное развитие старых социологических тем, таких как принятие решений, социальная несправедливость или групповая сплоченность [Franks 2010].

Конечно, это не единственная попытка объяснить ту слабость, которую значительная часть социальных исследователей стала питать к наукам о мозге. Одно из экстерналистских объяснений, чрезвычайно востребованных в период «научных войн», состоит в утверждении, что использование методов и языка нейронаук в современных социологических и философских исследованиях в большей степени является простым паразитированием на «серьезной» науке с целью придать своим теориям наукообразный вид и завоевать за чужой счет авторитет и общественное признание. Следовательно, такого рода «заигрывание» с нейронауками свидетельствует лишь о признании собственного бессилия, и мы имеем дело с последними неубедительными попытками сохранить свою власть в ситуации собственной интеллектуальной стагнации [Сокал, Брикмон 2002; Samson, Wormold 2015].

Нейроповорот в социологии проходил в двух версиях. Версию 1.0 можно условно назвать «сильной программой». Она предполагала

отказ от фундаментальных положений классической социологии с ее утверждением автономии социального мира, сконструированного социальными фактами, символическими порядками и дискурсами, и непосредственное обращение к нейронным механизмам социальных процессов [Segulo 2010]. Версия 2.0, представленная в первую очередь в когнитивной культурной социологии, несколько ослабила редукционистскую логику, применяя более «тонкую настройку» в объяснении взаимосвязи между регионом социального и церебральными механизмами [Norton, 2020]. Посредничество между нейронами и социальными структурами, согласно данному подходу, осуществляется на уровне распределенного познания.

Социология нейроповорота возникла как ответная реакция на беспрецедентное расширение нейроцентрического дискурса. Для отстаивания своих дисциплинарных границ от посягательств нейроредукционистов была применена классическая стратегия — обращение к тем самым «многословным трудам давно умерших персон», которые не оправдали надежд Филипа Смита. Эти труды позволяют сделать несложный, но эффективный культбит: концептуализировать сам нейроповорот как социальный факт. Для того чтобы подвергнуть сомнению универсалистскую логику, на которой зиждется монологический авторитаризм нейронаучных объяснений, необходимо объяснить эту логику языком собственной концептуальной схемы, организовать симметричный ответ.

24

Социология нейроповорота также реализует две версии исследовательской программы: сильную и слабую. «Слабая программа», нацеленная на исследование социального контекста нейроповорота, представлена, в частности, в работах Н. Роуза и Ж.М. Аби-Рашид [Rose, Abi-Rached 2013] и проекте, названном его авторами «критической нейронаукой» [Choudhury, Nagel, Slaby 2009; Choudhury, Slaby 2012]¹. Цель критической нейронауки состоит в том, чтобы раскрыть культурные и исторические предпосылки, приведшие к расцвету нейроцентризма, а также проблематизировать, в том числе в этическом ключе, многочисленные социальные эффекты нейроповорота, в частности, в таких сферах, как психиатрия, образование, медицина, право, масс-медиа и т. п.

---

1 В 2008 г. в Университете МакГилл (Монреаль, Канада) состоялся первый международный междисциплинарный семинар «Критическая нейронаука», организованный отделением социальной и транскультурной психиатрии и европейской группой исследователей, объединенных программой «Neuroscience in Context». По итогам работы семинара в 2012 г. была опубликована монография под редакцией С. Чоудхури и Я. Слаби, в которой обрисовался круг основных проблем нового проекта [Choudhury, Slaby 2012].

«Сильная программа» исследования нейроповорота не просто реконструирует контекст, в котором науки о мозге начали процветать и существуют сегодня, а указывает на социальную природу самого нейронаучного знания. Теоретические модели мозга с этой позиции имеют социальную основу, поскольку рациональное супервентно по отношению к социальному¹. В частности, переход от представлений о грубой функциональной локализации мозга Ф. Галля к теории системной динамической локализации высших психических функций, а затем к теории нейропластичности, содержит в своей основе смену социальных порядков, прежде всего экономических и политических [Malabou 2008; Pitts-Taylor 2010].

Нейроповорот социологии и социологию нейроповорота, таким образом, можно представить в виде шкалы, крайние точки которой занимают две сильные программы: нейроцентризм и социологизм. По ходу движения в направлении друг друга взаимные претензии ослабевают, критика становится все более дружественной, а программы слабее. В результате образуются разного рода исследовательские гибриды, несущие на себе отпечаток породившей их дисциплины, но становящиеся все более теоретически и методологически гибкими и открытыми для внешних вмешательств: социальная нейронаука, нейросоциология, когнитивная социология, критическая нейронаука и т. п. В центре шкалы располагаются наиболее радикальные концепции, в принципе снимающие оппозицию между социальными и естественнонаучными подходами.

25

Эпистемология критической программы: разоблачить и объяснить

Бруно Латур описывает два этапа реализации критической программы. Вначале бдительный и отважный критик должен подвергнуть сомнению убеждения «наивных верующих», разоблачить их как «ложное сознание» или «фетиши». На втором этапе он добывает несчастных фактами, объясняя, что «на самом деле» скрывается за иллюзиями сознания [Latur 2004]. К латурианской модели критической программы стоит добавить третий этап. Поскольку в рамках критической эпистемологической парадигмы критерием истины является практика, то предложенные факты должны начать работать.

¹ Концепция супервентности рациональности относительно социального представлена, в частности, в работах М. Куша, который, опираясь на концепцию аномального монизма Д. Дэвидсона, обосновывает идею о том, что смена типа научной рациональности определяется изменениями в социальных институтах, социальных соглашениях и социальных интересах [Куш 2002].

Данная стратегия настолько эффективна, что ею успешно пользуются представители диаметрально противоположных лагерей: критической социологии и редукционистского натурализма. С точки зрения последнего, наши представления об автономии личности, возможностях рационального выбора, свободе воли — это лишь иллюзии, за которыми скрываются факты нейронной активности мозга [Свааб 2014; Худ 2012]. В свою очередь критическая социология пытается открыть глаза наивным «сайнстерам»¹, да и самим ученым, на то, что современные теории мозга есть простые проекции экономических и политических порядков, поэтому каждый раз, когда вы, например, принимаете ноотропы с целью улучшить свои когнитивные способности, вы «на самом деле» вступаете в навязанную капиталистическим способом производства конкурентную борьбу за рабочие места [Pitts-Taylor 2011; Pykett 2015].

«Вещи суть не то, чем они кажутся», поэтому доступ к подлинной реальности возможен только через практики подозрения. Герменевтическое подозрение помогает социологам получить доступ к скрытым мотивам социальных акторов, онтологическое подозрение нейроученых имеет дело с лицемерием самой природы, создавшей эпифеноменальный мир сознания. Что же происходит, когда две критические программы сталкиваются друг с другом: гуманистические иллюзии против натуралистических иллюзий, просвещенческая социология против нейроцентризма? Чья критика окажется более разоблачающей, а объяснения более сильными?

В гуманитарном «лагере» все чаще возникают пессимистичные прогнозы с элементами самобичевания. Ян Де Вос, в частности, с прискорбием констатирует, что префикс «нейро-» выиграл финальную битву, подчинив себе саму критику [De Vos 2016]. Причина в том, что гуманитарные дисциплины не смогли предложить достойную альтернативу нейроцентрической модели субъективности, которая глубоко проникла в нашу культуру, наше мышление, наши способы самоописания и практики «заботы о себе». Провал критической теории состоит в том, что ее субъект больше не принадлежит себе: «Просто критиковать или отрицать идею, что “мы — это наши мозги” значило бы упустить из виду ключевой факт, что мы *уже* церебральные люди (brain-people), с ужасом осознающие, что мы — это наши мозги: мыслящие вещи, вещи, принимающие решение, желающие вещи — вещи, которые в конце концов, рефразируя Лакана, являются нами больше, чем мы сами» [ibid.: 3].

---

1 Термин предложен И. Максутовым для обозначения людей, вовлеченных в процесс создания и потребления научно-просветительского контента, но не являющихся, как правило, профессиональными учеными.

Первый этап критической программы нейронаук состоит в развенчании «декартовой ошибки» [Damasio 1994], т. е. представления о рациональной и свободной личности, обладающей сознанием, автономным от нейрофизиологического субстрата. Радикальное сомнение нейроченых при этом должно зайти дальше картезианского, поскольку нет никого, кто гарантировал бы нам бытие сомневающегося: «Мы — не то, чем себе кажемся. Наше самоощущение — это фантом, который создает мозг ради нашего же блага» [Худ 2015: 11]. Корень наших заблуждений произрастает в области «народной психологии», оперирующей «нормальными психологическими описаниями» [Dennett 2007; Деннет 2017], с помощью которых в практиках предикации создается наше «Я». Понятия народной психологии кажутся интуитивно самоочевидными для носителей языка. Через их реификацию рождается великая иллюзия, заставляющая миллионы людей верить в реальность собственных желаний и представлений. Великие научные открытия, напротив, контринтуитивны, поэтому их так сложно принять, так сложно признать, что вас на самом деле не существует. Сила иллюзии пропорциональна предпринимаемым усилиям, необходимым для ее разоблачения, и авторитету того, кто смог с ней справиться, т. е. авторитету нейронауки.

27

После того как со «сладкими грезами» покончено, необходимо перейти к демонстрации неопровержимых объективных фактов: «Ты, твои радости и печали, твои воспоминания и амбиции, твое ощущение самосознания и свободной воли в действительности есть не что иное, как деятельность большой группы нервных клеток и молекул, с которыми они связаны» [Crick 1994: 3]. «Вы — это ваш мозг» (Д. Свааб), «Вы — это ваши синапсы» (Дж. ЛеДу), «Вы — это ваш коннектом» (С. Сеунг). Человек — это «простой узелок в фабрике каузальности» [Dennett 2000: 74], а его духовная сущность — продукт взаимодействия миллиардов нервных клеток [Свааб 2014]. Нейроны, синапсы, глиальные клетки, нейротрансмиттеры, электрические импульсы — вот что скрывается за пеленой фантомов.

После того как факты обнаружены, они должны начать действовать. Невидимая невооруженным глазом сотня миллиардов нейронов в их необозримом числе взаимосвязей становится частью нашей реальности благодаря технологиям нейровизуализации, прежде всего функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ). То, что раньше было «прозрачным», то, что не становилось объектом пристального внимания, хотя и предполагалось в фоновом режиме, представлено в виде яркой картинки или видеозаписи, позволяющей наблюдать наши чувства и мысли в действии. Благодаря переводу, осуществляемому с помощью «записывающих устройств» (Б. Латур) нейролабораторий, мозг проникает в нашу повседнев-

ность, меняя наши практики и представления. Как Луи Пастер смог в своей лаборатории «создать» бактерии сибирской язвы [Латур 2002], так нейрочеловек смог пересоздать в своих лабораториях человека: «Хотите увидеть, кто вы есть на самом деле, тогда приходите к нам».

Несмотря на наглядность, убедительность и востребованность нейроцентрических объяснений, не все готовы сдаться, предать своих классиков, свой дисциплинарный язык, свои «привычки сердца». Все, пишет Роджер Кутер, «кто обладает мастерством критической работы, имеет и соответствующий профессиональный долг. Нет задачи более важной и актуальной. Выживание истории науки зависит от этого» [Cooter 2014: 154]. Программа по борьбе с нейроцентризмом как новым «идеологическим монстром» была развернута в нескольких направлениях. Стратегия идентична: разоблачить и объяснить. Разоблачить псевдонейтральность научного языка и квазиобъективность производимых нейронаукой фактов можно через последовательную реконструкцию контекста их производства, а объяснить — через собственные «факты»: интересы, властные иерархии, символические порядки.

28

Итак, первый тезис социальной критической программы звучит примерно следующим образом: наука — это не метод получения объективного знания о мире и о нас самих, как многие ошибочно полагают, а форма идеологии [Фейерабенд 2010]. Нейроцентризм, как частный случай научного мировоззрения — это «система идей и убеждений в области самопознания, которая неправильно истолковывает продукты свободного разума как естественные, биологические процессы» [Gabriel 2017: 67]. Поскольку природа человека недоопределена, мы способны создавать и апробировать разные модели самопонимания. Однако некоторые из них иллюзорны и опасны; в частности, таковы нейроцентрические модели субъекта: «церебральный субъект» [Vidal 2009], «нейрохимический субъект» [Rose 2003]. Угроза, исходящая от такого рода концептуализаций человеческого, состоит в том, что они подрывают сам принцип недоопределенности или, говоря языком, более присущим дискурсу классической философии, человеческую свободу. Развивая идеи неозкзистенциализма, Маркус Габриэль весьма патетично заявляет, что современный нейроцентризм — это «попытка человека избавиться от себя», очередная историческая форма бегства от свободы. Редуцируя Geist к сознанию, а сознание к «электрическому шторму нейронов» [Gabriel 2017: 226], нейронауки идут заведомо тупиковым путем, поскольку нельзя свести потенциально бесконечное к конечному набору элементов.

Нейроцентрические иллюзии — это иллюзии достижения объективного, универсального знания, не подверженного коррозии

предубеждений и метафизических спекуляций. Гиперэмпирическая программа нейронаук может быть подвергнута разоблачению путем анализа ее концептуальных метафор. Язык дисциплины является тем неизбежным посредником, который стоит между ученым и объектом его исследовательского интереса. Он не только помогает, но и принуждает видеть объект тем или иным образом. Непрозрачность языка, его способность нести шлейф прежних способов употребления сильно осложняют реализацию эмпирического проекта. Даже основополагающие «факты» нейронаук описываются с помощью «пришлых» концептуальных метафор: «мозг — это машина», «мозг — это система», «мозг — это компьютер», «мозг — это сеть».

Таким образом, для разоблачения нейроидеологии необходимо проследить происхождение ее базовых эпистемологических концептов, а именно вскрыть факт их социального происхождения. Критический взгляд позволяет философам и социологам сформулировать альтернативную «удивительную гипотезу» (Ф. Крик): концепции мозга изоморфны политическим и экономическим порядкам [Malabou 2008]. Кутер формулирует эту мысль предельно однозначно: «наши нейровремена... это эпифеномены наших экономических и идеологических времен» [Cooter 2014: 151].

Около сотни лет легитимация социального неравенства, в том числе гендерного, происходила путем апеллирования к локационистским теориям мозга, предполагающим его «жесткую запрограммированность». Мозги женщин и мужчин, преступников и добропорядочных граждан, гетеросексуалов и гомосексуалов, консерваторов и либералов, белых и черных имели разную анатомию. В последние десятилетия более «демократическая» по своему содержанию теория нейропластичности становится фундаментом для обоснования «естественности» неолиберализма. Объяснить нейроповорот сегодня означает проследить то, как «новый дух капитализма» очередной раз укореняется в «порядке живого» [Болтански, Кьяпелло 2011: 273]. Пластичность мозга, его способность к самоизменению на структурном и функциональном уровнях оказывается удивительным образом созвучна идее нового типа экономической организации и порожденного ею типа личности: предпринимателя, способного адаптироваться к перманентно изменяющемуся миру свободного рынка. Возможности «трансформации “привычных схем” мозговых процессов на протяжении жизни человека» [Дойдж 2010: 5] становятся условиями для новой неолиберальной этики заботы о себе, непрерывного саморазвития и императива личной ответственности [Горц 2010; Корсани 2007].

В попытке эксплицировать «подлинное содержание» нейронаучных теорий в гуманитарном критическом крыле происходит важный раскол между предельно конструктивистской позицией,

утверждающей невозможность произвести процедуру онто-эпистемологического разрыва [Pitts-Taylor 2010], т. е. отделить собственно нейронные процессы от описывающих их политизированных концептов, и условным дуализмом, понимающим процесс формирования ложного сознания как механизм «подмены». В частности, Катрин Малабу использует данную стратегию, когда призывает совершить неомарксистское «освобождение нейронов». Мозг онтологически пластичен. Пластичность — это диалектическое свойство нейронного субстрата, с одной стороны, обретать форму (как это делает любой пластичный материал), с другой, ее разрушать (взрывать изнутри любые структуры) [Malabou 2008: 5]. Сама природа мозга могла бы стать основой эмансипационной политики, но в результате подмены пластичности неолиберальной гибкостью мощный творческий потенциал нивелируется идеологией, призванной легитимировать политику свободного рынка.

30

Неолиберальная концепция укрепляется и расширяется за счет этой синхронизации с биологическим инвариантом человеческой природы. «В нашу эпоху, — пишет Паоло Вирно [2011], — биологические условия *Homo sapiens* (языковая способность, неспециализация, неотения и др.) последовательно совпадают с ключевыми социологическими категориями (рабочая сила, гибкость, непрерывное образование и др.)». Однако, несмотря на кажущуюся неразличимость пластичности мозга и неолиберальной гибкости, биологической неспециализации и постфордистского капитализма, революция возможна через рефлексию подобного рода подмен. Эмансипация человека происходит через актуализацию свободы, присущей самому биологическому виду *Homo sapiens*, и, более конкретно, его мозгу. То, что капиталистическому производству удалось присвоить саму человеческую природу, включить в свою логику саму «жизнь», вовсе не означает невозможность принципиально иной реализации врожденной потенциальности и церебральной пластичности. Политическая программа критической теории состоит в освобождении мозга от конкретной социально-исторической формы его порабощения, для того чтобы мозг мог стать подлинным субъектом своей истории.

Стратегия «разоблачить и объяснить» как в случае критической теории, так и редуccionистского нейроцентризма предполагает существование особой многоуровневой реальности: скрытые мотивы и мотивы озвучиваемые, явленные действия и реальные действия, феномены и эпифеномены. Познать что-то всегда означает пробраться к некому глубинному порядку, внутренним структурам, скрытым за плотным слоем кажимостей, иллюзий, искажений и ошибок. Все, что лежит на поверхности, не может быть подлинным, все самоочевидное — ложное. Критическая программа не предполагает

доверия: ни к участникам социальной жизни, ни к самой природе. Можно ли выйти из этого замкнутого круга взаимных подозрений? Социальная теория и философия предлагают несколько вариантов такого выхода, которые, несмотря на ряд принципиальных различий, объединяются в общем тренде посткритической мысли. Критика критики предлагает новые решения как в области онтологии, так и эпистемологии. Во-первых, посткритические теоретики предлагают отказаться от концепции «двух миров» (мира мнимого и действительного) и сделать онтологию более плоской; во-вторых, заменить стратегию познания — редукционистские «объяснения» должны уступить место прояснению и описанию.

Терапевтическая эпистемология: прояснять и описывать

Научные войны 90-х годов стали результатом применения критических стратегий гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, реализуемых друг против друга. Монополия на истину не предполагала двоевластия. Это была игра с нулевой суммой, поскольку предполагался только один победитель, только одно по-настоящему исчерпывающее объяснение. В социальной теории уход от милитаристской риторики предполагал отказ от самой «политики объяснения» (Б. Латур). Важным ресурсом для этого стала философия Людвиг Витгенштейна и выросшая на ее основе витгенштейнианская социология действия [Уинч 1996; Hutchinson, Read, Sharrock 2008], предложившая заменить объяснение иной эпистемологической процедурой — прояснением.

Войны между наукой и социальными дисциплинами не может быть, поскольку они имеют дело с разными онтологическими регионами: первая — с эмпирической реальностью, вторые — с миром смыслов. В отличие от мира вещей социальный мир всегда уже определенным образом осмыслен его участниками, эта осмысленность зиждется на тех практиках, которые они регулярно воспроизводят. Согласованность совместных действий происходит за счет следования правилам, лежащим в основе той или иной формы жизни. Разные формы жизни, такие как наука, религия, философия, автономны и не могут быть сведены к общей «теории реальности», также ни одна форма жизни не может быть поставлена под сомнение с помощью правил, лежащих в основе другой формой жизни: наука не может быть опровергнута религиозными аргументами и наоборот [Уинч 1996]. Самотождественность каждой формы жизни обеспечивается тем, что в ней правила, практики следования правилу и способы «осмысления вещей» оказываются схлопнутыми в единый способ существования. По этой причине все носители

того или иного способа жизни действуют и осмысляют мир неким общим образом.

Мир науки, например, продолжает быть миром науки, пока люди воспроизводят в своих действиях некий общий набор свойственных этой форме жизни правил. Однако между учеными периодически происходят разногласия. И очевидно, что правила периодически проверяются и корректируются. Можно ли вообще ошибаться или сомневаться в правилах, не ставя под угрозу саму форму жизни? И Витгенштейн, и его последователь Питер Уинч однозначно отвечают, что да: ошибки и сомнения допустимы, если они являются частью применения правил. «Опыт использования правила также показывает ошибки в его применении» [Витгенштейн 2010: 136]. Уинч подтверждает эту идею: индивидуальное использование языка «осмысленно только в рамках общего контекста, в котором используется язык, и важной частью этого контекста является процедура исправления ошибок, когда они совершаются, и проверки в случае подозрения ошибки» [Уинч 1996: 28].

32

Таким образом, мы имеем два способа сомнения: первый оказывается нелегитимным и бессмысленным (именно его запрет делает витгенштейнианскую социологию посткритической), а второй — необходимым элементом существования любой формы жизни. Для прояснения ситуации с ролью критических суждений стоит обратиться к витгенштейнианскому разделению языковой игры и грамматических правил ее функционирования [Бардина 2014]. Грамматические положения не могут быть оспорены или подвержены критике, поскольку лежат в основе формы жизни, они придают осмысленность любым суждениям, задают условия возможности таких суждений. Грамматика неоспорима не в силу своей самоочевидности или эмпирической верифицируемости, а лишь поскольку поддерживается самими практиками. Предложения же, принадлежащие языковой игре, как говорилось выше, вполне могут обсуждаться, корректироваться и вызывать сомнение. Легитимными, таким образом, являются только такие критические суждения, которые оспаривают определенные правила, но не саму грамматику. Именно наличие грамматики и делает все споры внутри формы жизни возможными и осмысленными. Ведь для того чтобы спор состоялся, необходимо допустить некое более фундаментальное согласие двух сторон.

Каким же образом теоретические конструкции Витгенштейна и его последователей могут быть применены для исследования современного нейроповорота и тех властных диспозиций в системе знания, которые он устанавливает? Как может быть реализована программа разъясняющей социологии нейронауки?

Если следовать концепции плюрализма форм жизни, социальные исследователи не должны иметь возможности подвергать критике и ставить под сомнение «грамматические правила» нейронаук. Нейронаука — это не набор абстрактных суждений, а разветвленная система практик, обосновывающая себя самым фактом своей воспроизводимости. Рассуждать о ложных посылах нейронаук с позиции критической социологии — значит совершать ту же ошибку, которую совершали культурные антропологи, толковавшие магические практики как «действия, вытекающие из ложного или упрощенного представления о вещах и процессах» [Витгенштейн 1989: 253]. Трактовка нейронаук как социологической рефракции, связанной с систематическим введением участников социальных взаимодействий в заблуждение господствующей идеологией [Хатчинсон 2012], опирается на представление о том, что нейроученые не могут правильно идентифицировать свои действия (например, они полагают, что исследуют различия в строении мозга представителей разных рас, а «на самом деле» реализуют политику расовой сегрегации).

Критическая теория и «просвещенческая социология», открывающие глаза «наивным» деятелям на их истинные мотивы, игнорируют тот очевидный факт, что людям вполне понятны их действия, и это понимание не является «ложным сознанием», поскольку истинность и ложность определяются только в контексте самой их практики [Степанцов 2010]. Более того, нейроученые, как любые другие социальные акторы, могут самостоятельно, без какого-либо внешнего участия, корректировать ошибки и высказывать сомнения, т. е. совершать критические суждения относительно правил своей языковой игры. Как члены племени могут поставить под сомнение предсказание оракула, указав на неточность проведения процедуры гадания, так и нейроученые могут указать на недостатки метода фМРТ, обнаружив активность в мозге мертвого лосося [Bennett, Baird, Miller et al., 2010]. Но как первые не ставят под сомнение сам метод гадания, так вторые — саму возможность эмпирического исследования мозга.

Социальные акторы, в нашем случае нейроученые, вполне компетентны в вопросе идентификации своих действий, следовательно, нет никакой необходимости в сторонних интерпретаторах. Если социальные исследования больше не обнаруживают подлинный смысл социальных действий, не объясняют нам, что скрывается за преломленными видимостями, в чем их задача? Предельно внятный ответ дает сам Витгенштейн [1945: 127]: «Нам следует отказать от всякого объяснения и заменить его только описанием». Поскольку гуманитарные дисциплины имеют дело с миром смыслов, а не миром причинно-следственных законов, как естествен-

ные науки, то их задача состоит не в приобретении нового опыта, а в упорядочивании «уже давно известного» [Там же]. Проблемы философии и социологии — это не эмпирические, а концептуальные проблемы, возникающие в результате «превратного толкования форм нашего языка» [Там же].

Одной из самых известных и авторитетных работ, посвященных лингвистической терапии нейронаучного языка, является вышедшая в 2003-м книга австралийского нейрофизиолога Макса Беннетта и английского философа-витгенштейнианца Питера Хакера «Философские основания нейронауки» [Bennett, Hacker 2003]. Основной посыл авторов — показать, каким образом претензии нейронаук «объяснить» разум (mind), отказавшись от разделения двух видов «вещей» (материальных сущностей и смыслов), психологии и нейрофизиологии, эмпирических и философских методов, приводит к неизбежному концептуальному беспорядку. Они описывают несколько ключевых ошибок, допускаемых апологетами нейроцентрического подхода: Газзанигой, Эдельманом, четой Чёрчланд, Деннетом, Сперри, Криком, Сёрлем, Дамасио и др.

34

Первая ошибка, которую Беннетт и Хакер называют «мерологическим заблуждением», состоит в приписывании психологических предикатов, которые логически можно отнести только к человеку как целому, — его части¹. Например, мы можем сказать: «человек слышит», «человек ощущает», «человек заблуждается». Но бессмысленно говорить: «мозг принимает решение», «мозг нас обманывает», «мозг видит» [Ibid.: 73]. Нарушение границ смысла происходит повсеместно, особенно в научно-популярной литературе, когда мы читаем про «этичный мозг», «социальный мозг», «эмоциональный мозг» и т. п. Концептуальная путаница возникает также при описании разума с применением эссенциалистских категорий, поскольку разум «не является субстанцией какого-либо рода», но есть «манера говорить о человеческих силах и их проявлениях» [Ibid.: 62]. Далее Беннетт и Хакер пытаются спасти от нападок нейрофилософов понятия «народной психологии», указывая на то, что их употребление является не «дефект-

---

1 Витгенштейн следующим образом формулирует это правило: «Может ли машина думать? Может ли она испытывать боль? Что же, разве мы должны называть человеческое тело такой машиной? А ведь оно, насколько возможно, приближается к тому, чтобы быть такой машиной. Но машина же не способна думать! Разве это эмпирическое утверждение? Нет. Только о человеке и ему подобных мы говорим, что они думают. Мы говорим это и о куклах и еще, пожалуй, о привидениях. Рассматривай слово «думать» как инструмент!» [1945: 359-360]

ной, примитивной теорией поведения человека» [Churchland 1986: 299], но структурным оборудованием нашего мира, не имеющего аналогов в нейронной лексике. Психологические предикаты в принципе не являются именами внутренних сущностей (объектов, состояний, событий и процессов), их значение может быть понято только в концептуальной связи с поведенческими критериями.

Витгенштейнианский строгий лингвистический анализ нейронаучного дискурса в исполнении Беннетта и Хакера производит странный эффект, подрывающий общепринятые представления о диспозиции естественнонаучных и философских дисциплин, и сильно усложняет картину «научных войн». Проект по объяснению человеческого разума в терминах естественных наук, как они полагают, погряз в концептуальных противоречиях не в меньшей степени, чем философский дискурс постмодернизма. Удивительным образом критики философских «интеллектуальных уловок» в лице современных нейрофилософов и нейрочеловеков сами оказались «в постмодернистском болоте» с его злоупотреблениями и путаницами. «Поэтические вольности» их языка, «превратное толкование» основополагающих концептов обернулись самыми неприятными последствиями для их эпистемологических позиций.

35

При попытке прояснить содержание социальной онтологии (концепции форм жизни) и терапевтической эпистемологии витгенштейнианской философии не покидает ощущение столкновения с сильным концептуальным напряжением. Прежде всего непрозрачна роль и назначение самого философа или социального исследователя, призванного бороться с концептуальными путаницами. Если грамматика формы жизни не подлежит сомнению, а правила языковой игры могут быть «подкорректированы» самими деятелями, то что остается делать социологу? Что именно философ или социолог может «исправить» в ситуации исследования науки? Беннетт и Хакер утверждают, что философы должны указать нейрочеловеком, что они совершают систематические ошибки в применении языка и в производстве логических операций. Но почему сами нейрочеловеки не могут сделать эту работу, и кто вообще имеет право формулировать критерии правильного и неправильного употребления, если учитывать тот факт, что никакой универсальной логики нет, и каждая форма жизни «обладает своими собственными критериями разумности» [Уинч 1996: XX]?

Если эти критерии заложены в самом способе и стиле социальной жизни, тогда претензии социологов выглядят необоснованными. Поскольку значение слова определяется способом его употребления, то использование ментальных концептов при исследовании

эмпирической реальности тоже может быть оправдано правилами игры, в которых это использование практикуется. Например, претензии к нейронаукам, связанные с их эмпирическими исследованиями нейронных коррелятов любви, справедливости, конформизма и т. п., могут быть сняты простым указанием на контекст и способ применения данных концептов, т. е. в лабораторных условиях это уже «не та» любовь, «не та» справедливость и «не тот» конформизм. Терапевтическая эпистемология витгенштейнианской социологии, таким образом, кажется избыточной. Предлагаемые ею развернутые описания социальных действий или социальных событий ничего не проясняют ни самим деятелям, поскольку они и так понимают, что происходит; ни тем, кто совершенно не знаком с их практиками, поскольку никакое описание не поможет их пониманию [Степанцов 2010].

36

Столь же непроясненной оказывается проблема замкнутости форм жизни. Уинч [1996: 77] сам указывает, что в данной концепции есть некоторое упрощение, не учитывающее «пересекающегося характера различных способов социальной жизни». В предисловии ко второму изданию «Идей социальной науки» он усиливает свой аргумент: «Различные аспекты социальной жизни не просто “пересекаются”; они внутренне связаны таким образом, что один аспект социальной жизни даже не может быть разумно постигнут в изоляции от других» [Там же: XX]. Такое уточнение на самом деле только усугубляет ситуацию, поскольку если одни формы жизни не могут быть разумно познаны вне связи с другими, то не совсем понятно, на каком уровне происходит их пересечение: на уровне грамматических правил либо на уровне языковых игр? Есть ли правила пересечения форм жизни и в рамках какой третьей формы жизни эти правила обретают смысл? Все эти вопросы имеют принципиальное значение для понимания нейроповорота, поскольку признание автономии нейронаук исключает из поля зрения возникающие языковые игры и многочисленные практики, которые предполагают наложение привычных и устойчивых стилей жизни друг на друга. Нейроцентрические аргументы в судах, нейронаучное просвещение в масс-медиа, создание произведений искусства в нейроарте создают новые правила, в которых должны согласовываться разные логики. Это согласование не может избежать вопроса об иерархиях правил, их сочетаемости и взаимной критике.

Онто-эпистемология сетей: от контекста к эксперименту

«Скверное критическое объяснение всегда охраняет науку» [Латур 2002:17]. Посткритическая программа науки, предложенная Б. Ла-

туром, пытается избежать «скверных объяснений», которые обвиняют и всегда «ищут ответственного за положение дел» [Латур 2012: 114]. Несмотря на общий отказ от политики объяснения, «теория познания» акторно-сетевой теории (АСТ) принципиально отлична от витгенштейнианской эпистемологии. Если последняя строится на принципиальном разделении естественнонаучных и философских методов, эмпирических и концептуальных проблем, социального мира и мира материальных объектов, то вся суть АСТ состоит в том, чтобы избавить социальные науки от предустановленных трансцендентальных оппозиций типа «культура/природа», «человеческое/не-человеческое» «социальное/биологическое», «микро/макро», «внутреннее/внешнее» и т. п.

В этом направлении АСТ идет не в одиночестве, а в компании с целым рядом теорий, которые хоть и различаются между собой по ряду принципиальных моментов, но, очевидно, обладают «семейным сходством» (объективно-ориентированная онтология (Г. Харман, Л. Брайант), агентный реализм (К. Барад), феминистские эпистемологии (Д. Харауэй, А. Мол), теория ассамбляжей (М. Деланда)). Роднит все эти теории свойственный им, в той или иной форме, поворот к материальному, а также смена главной эпистемологической добродетели: стремление к объективности уступает место «заботе» или даже «любви» [De Laet, Mol 2000].

37

Мы должны стать «друзьями интерпретируемых объектов» [Тампн 2001]. Быть друзьями — значит взять на себя ряд обязательств, связанных с защитой и ответственностью. Новая парадигма постоянно расширяет круг друзей: за счет как биологических не-человеческих акторов, таких как животные, растения, бактерии, так и неживых, в частности технических, объектов. Новая онтология (плоская онтология в терминологии М. Деланда) в принципе не допускает жестких иерархий, разделяющих мир на живое и неживое. Она предстает «образованной уникальными, сингулярными индивидуальными сущими, отличающимися друг от друга своим пространственно-временным масштабом, а не онтологическим статусом» [Деланда 2017: 9]. Такая онтология исключает разделение на субъективный мир — мир культуры, свободы и смысла, и мир объективный — мир природы, причинности и физических фактов. Вместо этого мы получаем «единый план бытия, населенный множеством объектов различных типов, включая людей и общества» [Брайант 2014: 287].

Онтология, в которой все запутанно, где на место прежних иерархий приходят сети, требует новой эпистемологии. Поскольку мы живем в текучем, непостоянном, изменчивом мире, который несводим к конечному набору процессов, описываемому конечным набором концептов, необходимо «расширить

метод, подорвать его и по возможности переделать» [Ло 2015: 28], сделать его «медленным», «уязвимым», «мягким», «скромным», «изменчивым».

АСТ и родственные ей теории с их идеей плоской онтологии и «мягкими», «заботливыми» методами помогают принципиально иным образом, чем критическая теория и терапевтическая философия витгенштейнианцев, посмотреть на природу нейроповорота. Теперь мозг предстает не просто как идеологема, сконструированный факт, концептуальная метафора, понятие, требующее правильного применения, но именно как полноценный социальный актор, действующий в той же логике, что и любые другие социальные ассамбляжи или ассоциации.

Несмотря на то что одна из первых фундаментальных работ Латтура, написанная в соавторстве со Стивеном Вулгаром, посвящена как раз исследованию нейролаборатории и происходящего в ней «тайнства» создания научных фактов [Latour, Woolgar 1986], я хотела бы обратиться к другому его тексту. Как ни странно, чтобы сделать мозг, взятый во всей его материальности, предметом социологического исследования, не надо идти в лабораторию и использовать томограф. Необходимая концептуальная работа была уже сделана одним «не вполне солидным дедушкой» АСТ, вычеркнутым более чем на сто лет из пантеона классиков социальной теории, но воскресшем сегодня в качестве актуального мыслителя. Речь, конечно, идет о Габриеле Тарде.

38

В статье «Габриель Тард и конец социального» Латур [2019] реконструирует тардовскую концепцию социального с целью показать, как в ее рамках человеческое взаимодействие может быть описано без привлечения классической оппозиции природа/общество. Тард [2016: 34] предельным образом расширяет само понятие общества, называя обществом любые ассоциации: *«всякая вещь — это общество... всякий феномен — это общественный факт»*. Ассоциации звезд, атомов, нейронов можно смело называть обществами. Человеческое общество — всего лишь одна из таких ассоциаций, знакомая нам лучше, чем другие, поскольку мы наблюдаем ее изнутри, но не обладающая онтологическим приоритетом или особой природой.

Ассоциации состоят из вступающих во взаимодействие монад — «захваченных желанием» материальных единиц. В тардовской социологии монады являются более сложными сущностями, чем те агрегаты, которые они создают. Этот тезис радикально отличает его теорию от более традиционных социологических теорий, в частности, от социологии Дюркгейма. Проводя аналогию между «мозговым государством» и человеческим обществом, Тард указывает на универсальный принцип их организации.

Ни человеческое общество, ни общество мозговых клеток не порождают никаких эмерджентных свойств. То, что мы называем сознанием личности в случае с мозгом или коллективной волей в случае с человеческим обществом, всегда есть манифестация одной наиболее «влиятельной» церебральной частицы или одного наиболее выдающегося деятеля. Сообщество монад всегда представляет конкретная монада, находящаяся в одном ряду с другими, но «сумевшая навязать свой взгляд другим» [Латур 2019: 225].

Какова же роль в выстраивании сети рядовых, невыдающихся монад? Для ответа на этот вопрос Латур предлагает рассмотреть тардовский пример появления «научного гения». На уровне научного сообщества рождению великой теории предшествует долгая работа «безвестных тружеников», подготавливающих фактологическую базу для последующего открытия. Без их невидимой работы даже самая одаренная и харизматичная монада оказывается бессильной. На уровне мозга эту работу выполняют миллиарды нейронов, создающие необходимые «мозговые вибрации», обеспечивающие «мозговую славу» самой выдающейся частице. Поэтому работа научного коллектива, так же как работа мозга, предполагает распределение агентности между множеством участников, в одинаковой степени важных для достижения конечного результата. «Научный гений», резюмирует Латур, «приобретает под пером Тарда весьма необычное содержание: мы сталкиваемся с распределением агентности среди мириад — не только ученых, но и состояний мозга!» [Там же: 232].

Предельно странная, на первый взгляд, философия Тарда, с таким воодушевлением воскрешаемая Латуром, не лишена концептуальных противоречий. Однако она предлагает принципиально иной взгляд на проблему взаимоотношения социальных дисциплин и нейронаук. Там, где раньше виделись войны, непримиримые разногласия и непересекающиеся миры, возникает общее место для собрания. Настоящий критик — «не тот, кто разоблачает, но тот, кто собирает» [Latour 2004: 247]. Подлинная критика требует «заботы и осторожного обращения» [Ibid.]. Между нейрочеными и социологами нет непроходимой пропасти. И наука о мозге, и наука о человеческом обществе имеют дело с ассоциациями монад, функционирующими сходным образом. Кроме этого, обе науки представляют собой путь (сеть), по которому монады (акторы) «распространяются и осмысливают свою миро-созидающую деятельность» [Латур 2019: 234].

Обнаружить два пути социальных исследований и нейронаук как одну неразличимую «запутанную» онто-эпистемологическую реальность и собрать «идеальный нейроповорот» возможно при

условии смены фокуса с социальных контекстов на эксперименты [Fitzgerald, Callard 2014]. Критическая борьба с нейроредукционизмом рискует вместе с водой выплеснуть и ребенка, закрыть те возможности, которые сулит перспектива совместной работы. Действительно, именно «социальные» эксперименты с использованием фМРТ вызывают больше всего недоумения, иронии и ожесточенной критики. Эти практики выглядят как причудливые, нелепые гибриды, которые должны быть подвергнуты эпистемологическому вето. Но именно они, как полагают Дез Фицджеральд и Фелисити Каллард, приближают нас к непосредственному состоянию самой жизни. Царящий в них онтологический и методологический «беспорядок» создает плодотворную почву для возвращения «по-настоящему» нового знания. Такие исследования действительно выглядят скромными и «неуклюжими». Отсутствие строгого протокола и непредсказуемость результата требуют от участников экспериментов постоянно пересобирать инструментарий, уточнять правила и совершать переводы языка одной дисциплины на другой. «Экспериментальная запутанность», возникающая в результате смешения гетерогенных практик (социальных, культурных, научных), неизбежно приводит к методологическим неточностям, ошибкам, затруднениям, случайностям, дающим возможность появиться новым биосоциальным историям.

Теоретический ресурс для обоснования биосоциальной экспериментальной запутанности можно обнаружить в агентном реализме Карен Барад. Онто-эпистемология, которую она пытается обосновать, призвана снять оппозицию между этикой, бытием и познанием. Изначальное состояние — это состояние запутанности. Быть запутанным — это не значит «быть переплетенным с другим, как при соединении отдельных сущностей» [Barad 2007: X]. Никаких отдельных сущностей изначально не существует. Существование — это вообще не индивидуальное дело, оно возникает как результат запутанных интра-действий (intra-acting).

В своей теории Барад во многом схожим с Латуром образом отказывается от наследия классической эпистемологии, в частности субъект-объектной модели научного познания, разделения «феноменов» и «вещей в себе», а также лингвистического репрезентативизма. Единицами мира для нее выступают мельчайшие элементы — «вещи в феноменах» (это могут быть как люди, так и не-человеческие агенты), представляющие неразделимость объекта и наблюдения. Дифференциация запутанного мира происходит через акты «сечения» — включения/исключения, производимые в процессе наблюдения. Наблюдение, таким образом, воссоздает мир, а не отражает его. Это некое интра-действие, которое осуще-

ствляется не субъектом, а распределяется между множеством разнорядковых «вещей в феноменах».

Сложная и витиеватая онто-эпистемология Барад позволяет рассматривать лабораторию как пространство воспроизводства реальности, в котором материальное и дискурсивное не разделены между собой, а познание распределено между людьми, мозговой тканью, лабораторным оборудованием и другими элементами. В противовес распространенному убеждению социальное и биологическое — это не то, с чем мы приходим в лабораторию, а то, с чем мы оттуда уходим. Таким образом, различия между гуманитарными дисциплинами и нейронауками — это не априорная эпистемологическая дихотомия, а то, чего еще нужно попытаться достичь.

Акторно-сетевая теория и агентный реализм предлагают, на мой взгляд, наиболее перспективные ответы на вопросы «что нам делать с нейронауками?» и «что нам делать с нашим мозгом?». Милитаристская риторика «варварской» критики должна уступить место заботе, заинтересованному и доверительному отношению. Мозг — это не объект, а вещь (Хайдеггер); не факт (*matters of fact*), а проблема (*matters of concern*) (Латур). Никому не нравится, когда дорогие ему вещи пытаются уничтожить, сводя до иллюзии или фантома. Да это и невозможно, поскольку они достаточно устойчивы, чтобы дать отпор такого рода редукционистскому отношению. «Разобранными и сломанными» в итоге оказываются не вещи, а сами критические инструменты [Latour 2004]. Значит ли это, что мы должны при описании мозга исключить все социальное и политическое? Вовсе нет. Между политикой и природой, материей и смыслом нет непреходимых границ. Мозг как проблема (*matters of concern*) — это собрание, состоящее из самых разнообразных участников: нейронов, нейроученых, томографов, нейрохакеров, врачей, пациентов и т. д. Исследовать эту сеть — означает пересобрать ее заново, скрупулезно идентифицируя участников и шаг за шагом следуя за ними. Такой подход является продуктивной альтернативой социальному критицизму. В итоге, перефразируя симондоновский тезис о технике [Симондон 2011], можно поставить новые вопросы. Возможно, сегодня не мозг дегуманизирует нас, а мы дегуманизируем мозг? Может быть, мы еще в недостаточной мере стали «церебральными субъектами»?

41

Заключение

Нейроповорот, безусловно, стал вызовом для социальных и гуманитарных дисциплин, заставившим их актуализировать и переосмотреть свой эпистемологический инструментарий. В рамках

одной статьи невозможно обозреть все возможные «закоулки» нейроповорота, поэтому я сконцентрировала внимание только на магистральных узлах: критической теории и витгенштейнианской философии. Обращение к оптике АСТ и родственным ей концепциям позволяет, на мой взгляд, выйти из ситуации непреодолимого противостояния, которое неизбежно возникает между нейронауками и социальными дисциплинами, когда они мыслятся как конкурирующие концептуализации человека. Для того чтобы снять это противостояние, необходимо сделать два шага. Первый — показать, что в самой онтологии имеет место спутанность материального, политического, социального; второй — продемонстрировать, что эпистемология и онтология не являются автономными регионами. Наблюдение — это производство новой реальности, описание сети — это ее конструирование. Только такой взгляд позволит нейронаукам и наукам о человеке стать соратниками, а нашим мозгам стать нашими «друзьями».

Библиография / References

42

Бардина С. (2014) Всегда ли социолог — критик, а критик-социолог? Концептуализация исследовательской критики в витгенштейнианской теории. *Социология власти*, (4): 79-96.

— Bardina S. (2014) Is It Possible That Sociologists are always Critics, and Critics are always sociologists? Conceptualisation of Research Critique in Wittgensteinian Theory. *Sociology of Power*, (4): 79-96. — in Russ.

Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011) *Новый дух капитализма*, М.: Новое литературное обозрение.

— Boltanski L., Chiapello E. (2011) *New Spirit of Capitalism*, M.: Novoe literaturnoe obozrenie. — in Russ.

Брайант Л. (2014) На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта. *Логос*, 4 (100): 275-292.

— Brayant L.R. (2014) Towards a Finally Subjectless Object. *Logos*, 4 (100): 275-292. — in Russ.

Вирно П. (2011) Естественно-исторические диаграммы: «новое глобальное» движение и биологический инвариант. *Художественный журнал*, (81). (<http://moscowartmagazine.com/issue/16/article/227>)

— Virno P. (2011) Natural-Historical Diagrams: The 'New Global' Movement and the Biological Invariant. *Moscow Art Magazine* (81). (<http://moscowartmagazine.com/issue/16/article/227>) — in Russ.

Витгенштейн Л. (1945) *Философские исследования*, Кембридж.

— Wittgenstein L. (1945) *Philosophical Investigations*, Cambridge. — in Russ.

Витгенштейн Л. (1989) *Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера* // Историко-фило-софский ежегодник. М.: Наука: 251-268.

— Wittgenstein L. (1989) Remarks on Frazer's Golden Bough. In Historical and philosophical Yearbook. М: Nauka: 251-268.

Витгенштейн Л. (2010) О достоверности. Витгенштейн Л. *Культура и ценность. О достоверности*, М.: АСТ.

— Wittgenstein L. (2010) On Certainty. In Wittgenstein L. *Culture and Value. On Certainty*, М.: АСТ. — in Russ.

Горц А. (2010) *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*, М.: ИД ВШЭ.

— Gorts A. (2010) *Intangible. Knowledge, value and capital*, М.: HSE. — in Russ.

Деннет Д. (2017) *Сладкие грезы: чем философия мешает науке о сознании*, М.: URSS.

— Dennet D. (2017) *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness*, М.: URSS. — in Russ.

Дойдж Н. (2007) *Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга*, М.: Эксмо.

— Doidge N. (2007) *Brain That Changes Itself*, М.: Ecsmo. — in Russ.

Деланда М. (2017) Новая онтология для социальных наук. *Логос*, 7 (3): 35-56.

— DeLanda M. A new ontology for the social science. *Logos*, 7 (3): 35-56. — in Russ.

Корсани А. (2007) Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме. *Логос*, 4 (61): 123-143.

— Korsani A. (2007) Capitalism, biotechnology and neoliberalism. Information to reflections on relations between capital, knowledge and life in cognitive capitalism. *Logos*, 4 (61): 123-143. — in Russ.

Куш М. (2002) Социология философского знания: конкретное исследование и защита. *Логос*, 5-6 (35): 2-31.

— Kusch M. (2002) The Sociology of Philosophical Knowledge: A Case Study and a Defense. *Logos*, 5-6 (35): 2-31. — in Russ.

Латур Б. (2002) Дайте мне лабораторию, и я переверну мир. *Логос*, 35 (5/6): 211-242.

— Latour B. (2002) Give Me a Laboratory and I will Raise the World. *Logos*, 35 (5/6): 211-242. — in Russ.

Латур Б. (2012) Политика объяснения: альтернатива. *Социология власти*, (8): 133-144.

— Latour B. (2012) The politics of explanation. *Sociology of Power*, (8): 133-144. — in Russ.

Латур Б. (2019) Габриель Тард и конец социального. *Социология власти*, 31 (2): 217-239.

— Latour B. (2019) Gabriel Tarde and the End of the Social. *Sociology of Power*, 31 (2): 217-239. — in Russ.

- Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*, М.: Институт Гайдара.
— Law J. (2015) *After Method: Mess in Social Science Research*, М.: Gaidar Institute Press. — in Russ.
- Свааб Д. (2014) *Мы — это наш мозг. От матки до Альцгеймера*, М.: Изд-во Ивана Лимбаха.
— Swaab D (2014) *We are our Brains: From the Womb to Alzheimer's*, М.: The Publishing House of Ivan Limbach. — in Russ.
- Симондон Ж. (2011) О способе существования технических объектов. *Транслит*, 9: 94-105.
— Simondon G. (2011) On the Mode of Existence of Technical Objects. *Translit*, 9: 94-105. — in Russ.
- Сокал А., Брикмон Ж. (2002) *Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна*, М.: Дом интеллектуальной книги.
— Bricmont J., Sokal A. (2002) *Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals Abuse of Science*, М.: House of intellectual books. — in Russ.
- Степанцов П. (2009) Нет такой вещи как социальная наука: в защиту Питера Уинча. *Социологическое обозрение*, 9 (3): 129-150.
— Stepantsov P. (2009) There is no such thing as a social science in defense of Peter Winch. *Russian Sociological Review*, 9 (3): 129-150. — in Russ.
- Тард Г. (2016) *Монадология и социология*, Пермь: Гиле Пресс.
— Tarde G. (2016) *Monadology and Sociology*, Perm: Hyle Press. — in Russ.
- Уинч П. (1996) *Идея социальной науки и ее отношение к философии*, М.: Русское феноменологическое общество.
— Winch P. (1996) *The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy*, М.: Russian phenomenological society. — in Russ.
- Фейерабенд П. (2010) *Наука в свободном обществе*, М.: АСТ.
— Feyerabend P. (2010) *Science in a Free Society*, М.: АСТ. — in Russ.
- Хатчинсон Ф. (2012) Два мира действия: социальная наука, социальная теория и системы социологической рефракции. *Социологическое обозрение*, 11 (2): 75-99.
— Hutchinson P. (2012). Two worlds of action: social science, social theory and systems of sociological refraction. *Russian Sociological Review*, 11 (2): 75-99. — in Russ.
- Худ Б. (2015) *Иллюзия «Я», или Игры, в которые играет с нами мозг*, М.: Эксмо.
— Hood B. (2015) *The Self Illusion: How the Social Brain Creates Identity*, М.: Ecsmo. — in Russ.
- Чопра Д., Танзи Р. (2014) *Совершенный мозг. Как использовать мозг для достижения здоровья, счастья, успеха, духовного роста*, М.: Эксмо.
— Chopra D., Tanzi R. (2014) *Super Brain: Unleashing the Explosive Power of Your Mind to Maximize Health, Happiness, and Spiritual Well-Being*, М.: Ecsmo. — in Russ.
- Barad K. (2007). *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*, Durham, North Carolina: Duke University Press.

Bennett C.M., Baird A.A., Miller M.D., Wolford G.L. (2010) Neural correlates of interspecies perspective taking in the postmortem Atlantic salmon: An argument for proper multiple comparisons correction. *Journal of Serendipitous and Unexpected Results*, 1 (1): 1-5.

Bennett M.R., Hacker P.M.S. (2003) *Philosophical Foundations of Neuroscience*, Wiley-Blackwell.

Cerulo K. (2010) Mining the Intersections of Cognitive Sociology and Neuroscience. *Poetics*, 38 (2): 115-132.

Churchland P. (2013) *Touching A Nerve: The Self As Brain*, W.W. Norton & Company.

Cooter R. (2014) Neural Veils and the Will to Historical Critique: Why Historians of Science Need to Take the Neuro-Turn Seriously. *Isis*, 105 (1): 145-154.

Crick F (1994) *The Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul*, New York: Charles Scribner's Sons.

Damasio A. (1994) *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*, Putnam Publishing.

De Laet M., Mol A. (2000) The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology. *Social Studies of Science*, 30 (2): 225-263.

De Vos J. (2015) What is critique in the era of the neurosciences? J. De Vos, E. Pluth (eds) *Neuroscience and critique. Exploring the limits of the neurological turn*, London: Routledge.

Dennett D. (2000) In Darwin's Wake, Where am I? Presidential Address. *American Philosophical Association*, December 29. (<https://www.jstor.org/stable/3218710>)

Dennett D. (2007) Philosophy as Naive Antropology: Comment on Bennett and Hacker. D. Robinson (ed.) *Neuroscience and Philosophy: Brain, Mind & Language*, New York: Columbia University Press: 73-95.

Fitzgerald D., Callard F. (2014) Social science and neuroscience beyond interdisciplinarity: Experimental entanglements. *Theory, Culture & Society*, 32 (1): 3-32.

Franks D.D. (2010) *Neurosociology. The Nexus between Neuroscience and Social Psychology*, Springer Science+Business Media, LLC.

Gabriel M. (2017) *I am Not a Brain: Philosophy of Mind for the 21st Century*, Cambridge: Polity.

Gieryn T. (1983) F. Boundary-Work and the Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists. *American Sociological Review*, 48 (6): 781-795.

Gold I., Stoljar D. (1999) A Neuron Doctrine in the Philosophy of Neuroscience. *Behavioral and Brain Sciences*, 22: 809-869.

Hutchinson P., Read R., Sharrock W. (2008) *There is No Such Thing as a Social Science: In Defence of Peter Winch*, Aldershot, Burlington: Ashgate.

Latour B. (2002) What is Iconoclash? or Is there a world beyond the image wars? B. Latour, P. Weiber (eds) *Iconoclash: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art*, Cambridge, MA: The MIT Press: 14-37.

Latour B. (2004) Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, (30): 225-248

Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory life. The Construction of scientific facts*, Princeton: Princeton University Press.

Legrenzi P., Umilta C. (2011) *Neuromania: On the Limits of Brain Science*, Oxford: Oxford University Press.

Maassen S., Sutter B. (eds) (2007) *On Willing Selves Neoliberal Politics vis-a-vis the Neuroscientific Challenge*, University of Basel.

Malabou C. (2008) *What Should We Do with Our Brain?* New York: Fordham University Press.

Norton M. (2020) Cultural sociology meets the cognitive wild: advantages of the distributed cognition framework for analyzing the intersection of culture and cognition. *The American Journal of Cultural Sociology*, 8: 45-62.

Pitts-Taylor V. (2010) The plastic brain: Neoliberalism and the neuronal self. *Health*, 14 (6): 635-652.

Pykett J. (2015) *Brain Culture. Shaping Policy Through Neuroscience*, Bristol: Policy Press.

Rose N. (2003) Neurochemical selves. *Society*, 41 (1): 46-59.

46 Rose N., Abi-Rached J.M. (2010) The birth of the neuromolecular gaze. *History of the Human Sciences*, 23 (1):11-36.

Rose N., Abi-Rached J.M. (2013) *Neuro: The New Brain Sciences and the Management of the Mind*, Princeton: Princeton University Press.

Samson W., Wormold T. (2015) On the Neuro- Turn in the Humanities: Naturalism, Hyper-Empiricism, and Understanding. *Chiasma: A Site For Thought*, 2 (2), Article 5. (<https://ir.lib.uwo.ca/chiasmaasiteforthought/vol2/iss2/5>)

Smith P. (2020) The neuro-cognitive turn in cultural sociology: from 1.0 to 2.0. *The American Journal of Cultural Sociology*, 8: 1-2.

Tallis R. (2011) *Aping Mankind. Neuromania, Darwinits and the Misrepresentation of Humanity*, Acumen Publishing Limited.

Tamen M. (2001) *Friends of Interpretable Objects*, Cambridge: Harvard University Press.

Vidal F. (2009) Brainhood, anthropological figure of modernity. *History of the Human Sciences*, 22 (1): 5-36.

Weisberg D.S., Keil F.C., Goodstein J., Rawson E., Gray J. (2008) The seductive allure of neuroscience explanations. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 20 (3): 470-477.

Woolgar S. (1981) Interests and Explanation in the Social Study of Science. *Social Studies of Science*, 11 (3): 365-394.

Рекомендация для цитирования:

Филатова А.А. (2020) Что нам делать с нейронауками? От эпистемологии подозрения к эпистемологии заботы. *Социология власти*, 32 (2): 18-47.

For citations:

Filatova A.A. (2020) What should we do with neuroscience? From the Epistemology of Suspicion to an Epistemology of Care. *Sociology of Power*, 32 (2): 18-47.

Поступила в редакцию: 15.05.2020; принята в печать: 25.05.2020

Received: 15.05.2020; Accepted for publication: 25.05.2020